

УДК 94(436+47)"1914/1919"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/44/6

РУСИНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

Согласно переписи населения 1910 г., русинов (Ruthenen) в многонациональной Австро-Венгерской империи насчитывалось 3 997 831 чел. (7,78 % населения). В то время большинство русинов считали себя частью единого русского народа, как и большинство великороссов, малороссов и белорусов. Русины проживали как в Транслейтании – землях Венгерской короны, так и на территории Цислейтании – австрийских имперских землях. В Транслейтании, по данным переписи 1910 г., было 472 тыс. русинов (2,3 % ее населения), в Цислейтании – 3,5 млн (12,6 % ее населения), в восточной части Галиции (Галичине) русины составляли 62 % населения. С началом Первой мировой войны регионы компактного расселения русинов Австро-Венгрии (Галичина, Буковина, Угорская Русь), а также российская Холмщина стали ареной боевых действий. Север Бессарабии, где проживала значительная часть русинов губернии, стал прифронтовым районом. Война принесла немало бедствий местному населению. С ее началом австро-венгерские власти создали концентрационные лагеря для русских галичан и буковинцев. Всего во время Первой мировой войны австро-венгерские власти уничтожили не менее 60 тыс. русинов. Из-за военных действий на территории Прикарпатья и репрессий австро-венгерских властей 422 тыс. чел. вынуждены были покинуть регион. В России оказалось, по некоторым оценкам, около 200 тыс. галичан. Интерес представляет отношение к русинам Галичины и Буковины современников и участников боевых действий. Ценным источником информации для изучения этого вопроса являются воспоминания императора Николая II, генералов, офицеров и солдат русской армии.

* Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14.B25.31.0009) и в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Большинство авторов воспоминаний, сталкиваясь с русинским населением Галиции и Буковины, подчеркивали его лояльность и доброжелательное отношение к русской армии и администрации, видели в нем таких же, как и они, представителей русского народа, схожего по обычаям и языку с малороссами.

Ключевые слова: русины, Первая мировая война, Восточная Галиция, Буковина, Австро-Венгрия, мемуары.

RUSINS IN THE MEMOIRS OF THE PARTICIPANTS OF THE GREAT WAR

S.G. Sulyak

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

In the multi-national Austro-Hungarian Empire there were more than 25 different nationalities. One of these were the Rusins (Greek Catholic and Orthodox). In accordance with the Census of 1910 the Rusins (Ruthenen) numbered 3 997 831 persons (7,78 % of the population of the empire). At that time the majority of Rusins considered themselves as part of the one Russian nation as did the majority of Great Russians, Little Russians and White Russians. Rusins lived in lands under the Hungarian Crown (Transleithania) and in lands under the Austrian Imperial Council (Cisleithania).

In Transleithania, according to the data of the 1910 Census, there were 472 000 Rusin (2,3 % of the population) while in Cisleithania there were 3,5 million (12,6 % of the population). In the Eastern section of Galicia Rusins comprised 62 % of the population. With the beginning of WWI regions of Austro-Hungary with compact Rusin settlement (Galicia, Bukovina, Hungarian Rus') and also the Russian Kholm Province became an arena of military operations. Northern Bessarabia, in which a significant part of the province was Rusin, became a front. The war brought no little calamity to the local populace. From the onset of the war the Austro-Hungarian authorities created concentration camps for the Russian Galicians and Bukovinians. In total

* This research was supported by the project "Man in a Changing World. Problems of identity and Social Adaptation in History and at Present" (the RF Government grant Nr. 14.B25.31.0009) and Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

during WW1 the Austro-Hungarian authorities annihilated no less than 60 000 Rusins. 422 000 were required to leave the Carpathian Region because of military operations and repression. According to several accounts about 200 000 Galicians turned up in Russia. It is of interest to learn of the attitude toward the Rusins of Galicia and Bukovina by their contemporaries and participants of the military operations. A valuable source of information for study regarding this question are the memoirs of Emperor Nicholas II, Generals, Officers and Soldiers. The majority of the authors of the memoirs, who had contact with the Rusin population of Galicia and Bukovina, stress the loyalty and benevolent relationship toward the Russian army and administration shown by the Rusins. The Rusins saw them as themselves, representatives of the Russian nation similar in tradition and language to the Little Russian.

Keywords: Rusins, WWI, Eastern Galicia, Bukovina, Austro-Hungary, Memoirs.

В многонациональной Австро-Венгерской империи насчитывалось более 25 наций и народностей. Одной из них были русины (греко-католики и православные). В то время большинство русинов считали себя частью единого русского народа, как, впрочем, и большинство великороссов, малороссов и белорусов. Интерес представляет отношение к русинам Галичины и Буковины современников и участников боевых действий, которым пришлось контактировать с этим населением. Ценным источником информации для изучения этого вопроса являются воспоминания императора Николая II, русских генералов, офицеров и солдат. В военных мемуарах по большей части описывается ход боевых действий, хотя иногда в них встречаются упоминания о местных жителях.

Население Габсбургской империи перед Первой мировой войной (по данным переписи 1910 г.) распределялось следующим образом (Nationalismus):

По численности:

Gebiet	Absolutzahl	Prozent
<i>Территория</i>	<i>Абсолютное число</i>	<i>Проценты</i>
Österreich <i>Австрия</i>	28 571 934	55,6
Ungarn <i>Венгрия</i>	20 886 487	40,6
Bosnien-Herzegowina <i>Босния и Герцеговина</i>	1 931 802	3,8
Insgesamt <i>Всего</i>	51 390 223	100,0

По национальному составу (национальность в Австро-Венгрии определялась в то время по обиходному языку (разговорному языку - *Umgangssprache*)):

Nationalität <i>Национальность</i>	Absolutzahl <i>Абсолютное число</i>	Prozent <i>Проценты</i>
Deutsche <i>Немцы</i>	12 006 521	23,36
Tschechen <i>Чехи</i>	6 442 133	12,54
Slawaken <i>Словаки</i>	1 967 970	3,83
Polen <i>Поляки</i>	4 976 804	9,68
Ruthenen ¹ <i>Русины</i>	3 997 831	7,78
Slowenen <i>Словенцы</i>	1 255 620	2,44
Serben und Kroaten <i>Сербы и хорваты</i>	4 380 891	8,52
Italiener <i>Итальянцы</i>	768 422	1,50
Rumänen <i>Румыны</i>	3 224 147	6,27
Ungarn <i>Венгры</i>	10 056 315	19,57
Andere <i>Другие</i>	2 313 569	4,51
Insgesamt <i>Всего</i>	51 390 223	100,00

Русины (Ruthenen), составлявшие около 7,78 % населения Австро-Венгрии, примерно в таком же соотношении были представлены и в армии. Однако униаты² (греко- и армяно-католики) составляли в 1911 г. всего 1,2 % офицеров запаса, и среди них почти не было профессиональных военных (1 %). 86 % профессиональных военных и 68,2 % офицеров запаса были представлены католиками, составлявшими 65,9 % населения империи (Nationalismus). Как считают исследователи, причинами этого были отсутствие у галицких русинов австрийского патриотизма и, как следствие, нежелание добровольно служить в австро-венгерской армии (Стахів 1959: 78–80).

Русины проживали как в **Транслейтании** (нем. *Transleithanien*) – землях венгерской короны, на территории так называемой Под-

карпатской (Угорской) Руси (ряд северо-восточных комитатов), и в **Цислейтании** (нем. *Cisleithanien*) – австрийских имперских землях (Ostreich): Буковине (герцогстве Буковина, нем. *Herzogtum Bukowina*) и Галиции (королевстве Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцим и Затор, нем. *Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Großherzogtum Krakau und den Herzogtümern Auschwitz und Zator* *Königreich Galizien und Lodomerien*).

В Транслейтании, по данным переписи 1910 г., было 472 тыс. русинов (2,3 % ее населения), в Цислейтании – 3,5 млн (12,6 % ее населения). В восточной части Галиции (Галичине) русины³ составляли 62 % населения (Vocelka).

В 1910 г. в империи проживало 2,2 млн евреев (3,9 % от общей численности населения) (Vocelka). Евреи, как правило, в языковом отношении ассимилировались. Большинство галицких евреев причисляли себя к польской национальности. Немецкоязычных галичан было 1,1 %, из них не были евреями 0,5 % (Peter 2004: 173).

Доля еврейского населения в Галиции составляла 10,8 %, на Буковине – 12,8 %, в Чехии – 1,5 %, в Нижней Австрии – 5,2 %. Евреи составляли значительное число горожан: 10 % населения Праги, 37,8 % – Кракова, 40,5 % – Львова (Lemberg), 21,6 % – Черновцов (Vocelka).

Из 28 571 934 чел., проживавших в 1910 г. в Австрии, 22 530 169 были католиками, 3 417 223 – греко-католиками (в большинстве своем – русины Галичины), 2 235 – армяно-католиками, 666 458 – православными (в основном русины и румыны (молдаване) Буковины), 1 313 687 – иудеями, 3 270 – липованами (старообрядцами), 588 686 чел. – евангелистами и т. д. (Die Ergebnisse: 54).

Немцев в Австрии (имеется в виду по разговорному языку. - С.С.) было 9 950 266 чел., чехов-моравов-словаков – 6 435 983, поляков – 4 967 984, русинов – 3 518 854, словенцев – 1 252 940, сербов-хорватов – 783 334, итальянцев-ладинов (ретороманцев) – 768 422, румын – 275 115, венгров (мадьяр) – 10 974 чел. (Die Ergebnisse: 59).

С началом Первой мировой войны регионы компактного расселения русинов Австро-Венгрии (Галичина, Буковина, Угорская Русь), а также российская Холмщина стали ареной боевых действий. Север Бессарабии, где проживала значительная часть русинов губернии, стал прифронтовым районом. После неудачного вступления в войну Румынии все Пруто-Днестровское междуречье стало прифронтовым районом. Румыния после долгих колебаний и переговоров с воюющими сторонами выступила в августе 1916 г., к концу Брусиловского наступления, на стороне России и Антанты, что в конечном итоге ослабило антигерманскую коалицию и создало дополнительные проблемы России.

Война принесла немало бедствий местному населению. С ее началом австро-венгерские власти создали концентрационные лагеря для русских галичан и буковинцев (Ваврик 2001: 97). Всего во время Первой мировой войны австро-венгерские власти уничтожили не менее 60 тыс. русинов (Гардый 2005: 210). Из-за военных действий на территории Прикарпатья и репрессий австро-венгерских властей 422 тыс. чел. вынуждены были покинуть регион (Кабузан 2006: 210–211). В России оказалось, по некоторым оценкам, около 200 тыс. галичан (Пашаева 2007: 117). Подробнее о демографических потерях среди русинского населения изложено в статье «Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне)» (Суляк 2015b: 109). Во время войны Галицию покинуло от 200 до 300 тыс. евреев. Из 137 тыс. беженцев, прибывших в Вену, 60 % были евреями (Vocelka).

К осени 1914 г. в ходе Галицийской битвы (5 (18) августа – 8 (21) сентября 1914 г.) российские войска заняли практически всю Восточную Галицию, часть Западной и большую часть Буковины (Оськин 2014: 107–112). Было создано Галицийское (Галицко-Буковинское) генерал-губернаторство. Осенью 1914 г. на территории Галиции и Буковины были образованы Львовская, Тарнопольская, после занятия Буковины в сентябре – Черновицкая, в апреле 1915 г. – Перемышльская губернии, которые делились на уезды (Бахтурина 2000: 77–78).

Процесс интеграции края в Российскую империю осложняли идеологический раскол русинов, часть из которых, приняв украинскую идентичность, стала антирусским меньшинством, а также непродуманная политика российской администрации и представителей русского православного духовенства (в частности, архиепископа Волынского и Житомирского Евлогия (В.С. Георгиевского), назначенного управлять церковными делами в оккупированных областях). Последнее своими прямолинейными действиями спровоцировало конфликт с униатским духовенством Галичины (Михутина 2003: 182, 186).

Галиция была оставлена российскими войсками в июне 1915 г. в результате австро-германского наступления и неудачной зимней кампании. Во время Великого отступления – самого тяжелого периода для русской армии – 23 августа (5 сентября) 1915 г. Николай II стал Верховным главнокомандующим, сменив на этом посту великого князя Николая Николаевича (Оськин 2014: 112–154). В 1916 г. восточная часть Галиции и Буковина были вновь заняты российскими войсками в результате Луцкого (Брусиловского) прорыва (22 мая (4 июня) – 31 июля (13 августа)) (Керсновский 1994: 34–64; Оськин 2014: 176–180).

Как было изложено выше, в результате Галицийской битвы русские войска заняли почти всю Восточную Галицию и Буковину, осадив Перемышль,

который капитулировал 9 (22) марта 1915 г. Император Николай II 27–30 марта (9–12 апреля) 1915 г. посетил Восточную Галицию, побывав в Бродах, Львове, Самборе, Хырове и Перемышле. 9 апреля император записал в своем дневнике: «Знаменательный для меня день приезда в Галицию! <...> Чем дальше, тем местность становилась красивее. Вид селений и жителей сильно напоминал Малороссию. Только пыль была несносная. Остановливался несколько раз на месте сражений в августе месяце; видел поблизости дороги братские могилы наших скромных героев. Солнце пекло как летом.

В 4½ на спуске с горы был встречен гр. Бобринским и затем въехал в гор. Львов. По улицам стояло много войск шпалерами и народа... Город производит очень хорошее впечатление, напоминает в небольшом виде Варшаву, но с русским населением на улицах. Вышел на балкон к крестьянам, пришедшим из окрестностей...» (Дневники 1991: 523). 11 апреля, после посещения Самбора, Хырова и Перемышля, император «уехал на станцию, тепло провожаемый населением» Львова (Дневники 1991: 523–524).

В поездке Николая II сопровождал генерал-майор Отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович, в то время начальник императорской дворцовой охраны, который вспоминал: «Занятие нашими войсками Галиции и разгром австрийских армий очень всколыхнули наше национальное чувство, напомнили нам о нашей родной колы-

бели всего славянства Карпатах, напомнили о Червонной Руси, о наших братьях по вере и крови, томившихся под австрийским игом. Туда полетели более экспансивные националисты, члены Государственной Думы. Туда обратил взоры Святейший синод.

Император Николай II принимает рапорт военного генерал-губернатора Галиции графа Г.А. Бобринского у автомобиля по приезде во Львов. В автомобиле – Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (справа), начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич, крайний слева – дворцовый комендант В.Н. Воейков. 09.04.1915 г.

Все только и говорили о возвращении России древних родных

областей с русским населением, которое старались ополячить, но которое, как думали, остается в душе русским.

Двести лет тому назад католические ксендзы с продажными элементами из местного дворянства выдумали униатское вероисповедание, а в последние десятилетия продажные профессора из малороссов по указке австрийского Генерального штаба стали выдумывать новые названия для населяющего Галицию русского простого народа. Всякие Грушевские и иные выходцы из Киевского университета разрабатывали, по австрийской указке, теорию украинской самостийности, выдумывали разные «мовы», а забитый простой русский галичанин продолжал хранить в сердце мысль о национальном освобождении, что связывалось с мыслью о Белом Царе.

И когда русские войска победоносно продвигались по Галиции, бежал поляк, уходил немец, но простой народ встречал русского солдата как своего родного, как освободителя. А соседние с Почаевской лаврой приходы толпами приходили к настоятелю монастыря, прося присоединить их снова к родной православной церкви. Начался массовый переход простолюдинов униатов в православие, и к весне 1915 года перешло до ста приходов, и лишь недавно, с месяц назад, в старом русском Львове, переделанном в Лемберг, в устроенной из манежа церкви, архиепископ Евлогий, назначенный в Галицию, впервые после двухсот лет служил перед десятитысячной толпой народа Христову заутреню. Для львовских галичан то было воистину Христово Воскресение!» (Спиридович 1960: 116–117).

Описывая поездку императора во Львов, он упоминал о восторженной встрече Николая II войсками и массой народа. После посещения гарнизонной церкви и госпиталя царь отправился во дворец: «Кругом масса народа. Гремит ура... Вечером, пока во дворце происходил обед, на который были приглашены местные власти, галичане устроили патриотическую манифестацию перед дворцом. Государь вышел на балкон, сказал небольшую, но горячую, проникнутую верою в правое дело речь. Народ ревел от восторга. Крестились и плакали. Государь был очень растроган оказанным ему галичанами приемом» (Спиридович 1960: 120–121).

О симпатиях русинского (и не только русинского) населения Львова к русской армии упоминают и польские авторы. В частности, об этом писал львовский историк Ю. Бялыня-Холодецкий: «Пришла 22 марта 1915 г. во Львов печальная весть, что крепость Перемышль сдалась русским войскам, принужденная к этому недостатком продовольствия. Во Львове воцарилась огромная подавленность; многие оптимисты не хотели даже верить этой печальной новости, и только развешенные вечером по приказу русских властей флаги на домах рассеяли

всякие сомнения» (Соколов). Настроения польского и еврейского населения Львова он называет депрессией, под влиянием которой многие жители ходили грустными, другие - с ругательствами и проклятиями на устах, направленными против интендантства Австро-Венгрии, иные - с открытыми проявлениями антипатии к русским, было много и таких, которые отреагировали на новость рыданиями, приступами истерии и бешенства, с кем-то даже случился апоплексический удар. «С другой стороны, не таили своей радости русофилы⁴ и спешили массово с поздравлениями к резиденции генерал-губернатора, который велел устроить официально по городу шествия, процессии с портретами царя и великого князя, Верховного главнокомандующего, в окружении флагов, военных подразделений, солдат, полицейских и части гражданского населения, которая виватами и возгласами давала выражение своим чувствам» (Соколов). На следующий день, во вторник 10 (23) марта, русское население города Львова торжественно отпраздновало взятие Перемышля русской армией.

Протопресвитер русской армии Г.И. Шавельский в своих «Воспоминаниях» писал: «1-го вечером и 2-го февраля утром я совершал богослужение в большой униатской Львовской церкви (кажется, Св. Николая). За богослужениями храм был переполнен молящимися, главным образом – униатами. Мужчины и женщины подходили ко мне под благословение, принимали на всю ночь помазание елеем, причем все целовали мне руку. У меня тогда явилась мысль: значит, они не делают различия между мною и своими священниками; значит, они считают, что мы одно с ними по вере, что мы им – свои. Зачем же мы хотим подчеркивать торжественно и всенародно, что они для нас чужие, что мы совсем другое, чем они? Зачем мы толкаем их на непосильный, может быть, для многих из них вопрос: если мы не одно с ними, то что же такое мы? Зачем, требуя обрядовой формальности – отречения от папы и *filioque*, т. е. от догматов, которые для них и непонятны и безразличны, зачем мы подвергаем их возможности невероятных опасностей? Ужель для того только, чтобы выполнить букву в данном случае мертвого закона? Тяжело, больно было на душе» (Шавельский 1954: 173–174).

Он упоминал о посещении униатской церкви и благожелательном отношении простых русинов к православию: «Утром 12-го апреля оба поезда, царский и великокняжеский, остановились на ст. Броды. Было воскресенье. Я с доктором великого князя Маламой отправился к литургии в униатскую церковь. Церковь в общем имела совсем православный вид: трехярусный иконостас, нашего письма иконы. Служил православный русский священник; пели по-униатски; большинство

песнопений пелись всей церковью. Меня особенно удивили песнопения: «Ангел вопияше» и «Отче наш», исполненные всей церковью особым вычурным напевом чрезвычайно красиво и стройно. Многие из молящихся, особенно женщины, стояли с молитвенниками, по которым следили за богослужением. Церковь была полна народу. Порядок был образцовый. Вся обстановка службы создавала торжественное молитвенное настроение.

– И наши хотят еще учить их, когда нам надо от них учиться? – обратился ко мне доктор, когда мы выходили из церкви.

На паперти храма мы остановились.

– Где же ваш униатский священник? – спросил я у одной средних лет женщины.

– Тикае до Вены, – отвечала она.

– Что ж, вы привыкли к новому священнику?

– А чего не привыкнуть?

– Да он же не похож на вашего прежнего: он с длинными волосами, бородой и в рясе.

– Так что ж? Наш як папа, а этот як Христос...» (Шавельский 1954: 178–179).

В «Воспоминаниях» А.А. Брусилова русинам отведено немного места. Он упоминал о явившейся к нему после взятия Львова «депутации от городского управления и всех сословий», которая «от имени населения твердо обещала, что не нарушит порядка и лояльности по отношению к нам». «Нужно сказать, что население выполнило свои обещания честно и добросовестно», – указывал он. Далее он отмечал: «Униатский митрополит граф Шептицкий, явный враг России, с давних пор неизменно агитировавший против нас, по вступлении русских войск во Львов был по моему приказанию предварительно подвергнут домашнему аресту. Я его потребовал к себе с предложением дать честное слово, что он никаких враждебных действий, как явных, так и тайных, против нас предпринимать не будет; в таком случае я брал на себя разрешить ему оставаться во Львове для исполнения его духовных обязанностей. Он охотно дал мне это слово, но, к сожалению, вслед за сим начал опять мутить и произносить церковные проповеди, явно нам враждебные. Ввиду этого я его выслал в Киев в распоряжение главнокомандующего. Состоявшему при мне члену Государственной Думы, бывшему лейб-гусарскому офицеру графу Владимиру Бобринскому, поступившему при объявлении войны вновь на военную службу, я приказал осматривать все места заключения, которые попадали в наши руки, и немедленно выпускать политических арестантов, взятых под стражу австрийским правительством за русофильство. Бобринский чрезвычайно охотно взялся за эту миссию, так как он еще в мирное

время имел большие связи с русофильской партией русин. Не помню цифр, но таких арестантов оказалось очень много, и они были немедленно освобождены; уголовные же преступники продолжали, конечно, содержаться под стражей и были переданы в распоряжение галицийского генерал-губернатора» (Брусиллов 1983: 86–87).

«Русины, естественно, были на нашей стороне, кроме партии так называемых мазепинцев, выставивших против нас несколько легионов», – констатировал генерал (Брусиллов 1983: 96). Кстати, А. Брусиллов отмечал, что не только «в Восточной Галиции, где большинство населения русины, к нам расположенные с давних пор, но и в Западной, где все население чисто польское, не только крестьяне, но и католическое духовенство относилось к нам хорошо и во многих случаях помогали, чем могли. Это объяснялось тем, что ранее того по моему распоряжению было широко распространено среди населения известное воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам. Поляки надеялись, что при помощи русских вновь воскреснет самостоятельная Польша, к которой будет присоединена и Западная Галиция» (Брусиллов 1983: 117–118).

Из приказа А. Брусиллова: «Поздравляю славные войска армии с переходом границы. Приказываю объяснить нижним чинам, что мы вступаем в Галицию, хотя и составляющую теперь часть Австро-Венгрии, но это исконная Русская земля, населенная, главным образом, русским народом, для освобождения которого война и ведется.

Русская армия не ведет войны с мирными жителями. Русский солдат для мирного жителя, к какой бы он народности ни принадлежал, не враг, а защитник, а тем более он защитник для родного по крови галичанина. Я выражаю глубокую уверенность, что никто из чинов, имеющих честь принадлежать к армии, не позволит себе какого-либо насилия над мирным жителем и не осрамит имя русского солдата. С мирным населением каждый из нас должен обращаться так же, как это было в родной России» (7 августа 1914 г.) (Брусиллов 1983: 247).

Генерал А.И. Деникин писал: «Помню дни тяжкого отступления из Галиции, когда за войсками стихийно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумевшая толпа народа, с женщинами, детьми, скотом и скарбом... Марков шел в арьергарде и должен был немедленно взорвать мост, кажется, через Стырь, у которого столпилось живое человеческое море. Но горе людское его тронуло, и он шесть часов еще вел бой за переправу, рискуя быть отрезанным, пока не прошла последняя повозка беженцев» (Деникин 2002: 103).

Полковник Б.В. Веверн, будучи в 1914 г. командиром батареи в 81-й артиллерийской бригаде, вспоминал, что «после неудачной

попытки австрийцев прорвать блокаду (Перемышля. – С.С.) сразу появились на наших линиях перебежчики, сначала редкие, одиночные, а затем это явление приобрело массовый характер». Как отмечал Б. Веверн, «перебежали главным образом русины», а также сербы, поляки, румыны. «Не было только мадьяр и австрийских немцев, по крайней мере я о таковых не слышал». Отмечал он и тот факт, что «наши пехотные солдаты, очень добродушно относившиеся к перебежчикам, с вечера обыкновенно говорили: “Ну сейчас поползут”». Первым делом перебежчики, попав в окоп, протягивали руку, здоровались, а затем ждали, когда им дадут хлеба, которого в крепости было негусто. Б. Веверн обратил внимание, что о мадьярах перебежчики всегда говорили «с явным недоброжелательством, даже со злобой. Мадьяр лучше кормили, лучше одевали и лучше с ними обращались». Венгры выполняли в крепости и функции жандармерии. Так же перебежчики отзывались и о своих офицерах. Как сообщал автор, «видимо, между офицерами и солдатами не было ни спайки, ни связи», что вполне понятно, так как «в австрийских частях, набранных из людей одной определенной национальности, офицеры очень часто были другой национальности». В то же время в мадьярских частях офицерами были венгры, что усиливало их боевые качества (Веверн 1938: 96–97).

Описал Б. Веверн и произошедший с ним казусный эпизод: «Однажды я шел лесной дорожкой на свой наблюдательный пункт, без всякого оружия, имея лишь через плечо, в футляре, бинокль. Внезапно из лесной чащи, как из земли, передо мной выросло пять австрийских солдат с винтовками в руках. От неожиданности я сразу оторопел. Я был уверен, что нахожусь перед австрийскими разведчиками, проникшими одними из известных переходов в наш тыл, что было вполне правдоподобно. Я остановился и, конечно, растерялся. По всей вероятности, мое состояние и мой испуганный вид сразу стали им понятны, потому что один из них поспешил сейчас же рассеять происшедшее недоразумение:

- Извините, господин офицер, мы пришли сдаваться в плен.
- Как же вы прошли незамеченными через наши пехотные линии?
- Да тут есть много разных переходов. Вы их не знаете, а мы знаем» (Веверн 1938: 97).

Военный врач В.П. Кравков, занимавший с сентября 1914 по декабрь 1915 г. должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии, упоминал в своих «Записках»: «Проходимые деревни «подъяремной» Руси бедны, и обитатели их живут убого» (6 сентября 1914 г.) (Кравков 2014: 47); «наши крестьяне живут бедно, но беднее еще живут, по-видимому, галичане; удивил меня вопрос

мальчугана, мало-мальски говорящего по-русски: “А что, жиды перестанут теперь над нами пановать?”» (Кравков 2014: 49). Поразил его и тот факт, что 9 сентября г. Ярослав «австрийцы оставили без боя и сами бегут, бросая орудия и обозы, жители же усиленно грабят город!» (Кравков 2014: 49). Речь идет о древнем русском городе, основанном князем Ярославом Владимировичем (ныне Подкарпатское воеводство Ярославского повята Польши), тогда большинство его населения составляли евреи и поляки.

Е.В. Тумилович⁵, в то время рядовой 326-го пехотного Белгорайского полка, в своих мемуарах рассказал о захвате разведчиками пленных в небольшом «гуцульском хуторке»: «Обоих пленных солдат мы отвели в лес и там узнали, что они оба русины. Один из них бывал ранее в Киеве, где и по сие время живут его родственники. Вражда тут же сразу была забыта. Их угостили папиросами и продолжали беседовать уже совсем по-приятельски. Обрадованные счастливым для них исходом войны черномазые парни бросили в сторону свои под сумки, повесили шинели на руку и сопровождаемые одним из наших солдат, как выразился один из них, “пошли до Киева”» (Тумилович 2014: 97).

Уделил он внимание и взаимоотношениям русских солдат с жителями гуцульского «поселка Яблоново, расположенного вблизи от слияния Черного и Белого Черемоша»: «Солдаты быстро разместились по избам, и так как в нашем полку преобладающее большинство были украинцами, то они очень быстро нашли общий язык с гуцулами или, вернее, с гуцулками и проводили свой короткий отдых как дома» (Тумилович 2014: 87). Е. Тумилович отметил, что «мужчины, способные носить оружие, еще австрийцами были взяты в солдаты, в горных же деревнях и селеньях остались старики, женщины да дети» (Тумилович 2014: 88). Упомянул он и своей дружбе с дядей Мыколой и его дочерью Марийкой. Через год, во время Бусиловского прорыва, судьба вновь свела их вместе (Тумилович 2014: 88–94, 130–131).

Собрав сведения на местах, В.Л. Кублицкий-Пиоттух в 1916 г. выпустил очерки «Зверства противника в очерках и фотографических документах». В них он вспоминал, в частности, о событиях первых месяцев войны: «Легкое настроение в значительной мере поддерживалось еще тем удивительным и искренним радушием, с которым нас всюду встречало русинское население. Будучи не только по своему происхождению и языку, но и в мелочах своего быта русскими, вернее, малороссами, русины тотчас по нашем приходе в деревню добровольно и благожелательно открывали нам не только кувшины с молоком и чашки с вареным картофелем, но и, весьма часто, свои души. Подавляющее большинство нижних чинов моего полка были также малороссы, почему между ними и населением установились тотчас

самые дружеские отношения, заводились на мягком и благозвучном наречии берегов Днепра бесконечные разговоры о том, "как у вас" и "как у нас"» (Кублицкий-Пиоттух 1916: 62).

А.Р. Трушнович⁶, говоря о своей службе в австро-венгерской армии и попытке перейти на сторону России, вспоминал: «...в каком-то венгерском городке мы наконец-то погрузились в эшелон и двинулись по венгерской равнине на юг. У Мармарош-Сегеда снова свернули в Карпаты. На одной станции долго стояли. Пошли в деревню, к гуцулам. Худощавые, высокие, в широкополых черных шляпах, в длинных бурках. Говорят на русском наречии. Живут бедно, хатки у них курные, пахотной земли мало, леса по большей части принадлежат не им. Немецкий генерал Людендорф, побывавший в гуцульских деревнях, в своих воспоминаниях пишет, что жизнь под Австрией воодушевлять этих людей, по-видимому, не может» (Трушнович 2004).

«А еще мы видели, как бедный крестьянин спешил по дороге с небольшим мешком картофеля. Когда он поравнялся с нами, его догнали помещик и австрийский жандарм. Жандарм ударил его плетью по лицу, а помещик орал, будто командовал корпусом в развернутом строю: "Проклятые свиньи! Этому их русские научили!" Крестьянин-то русский... Уехали они победителями. Крестьянин жаловался: "Четверо детей, голодаем, все на него работаем, а он тебя и за собаку не считает. Все равно картофель уже гниет"» (Трушнович 2004).

Будущий маршал Советского Союза, в то время прапорщик, А.М. Василевский описывал в своих мемуарах Брусиловский прорыв: «Я, как и большинство моих сослуживцев, относился к самому наступлению с энтузиазмом: русской армии предстояло освободить Карпатские земли. Должен сказать, что картины, которые пришлось наблюдать, после того как Буковина осталась позади, укрепляли в нас именно это представление. Местные жители, которые именовались тогда русинами, встречали нас с распростертыми объятиями и рассказывали о своей нелегкой доле. Австрийские власти, смотревшие на них как на чужеземцев, яростно преследовали всех, кого они могли заподозрить в "русофильстве". Значительная часть местной славянской интеллигенции была арестована и загнана в концентрационный лагерь "Талергоф", о котором ходили страшные легенды. Провинция, плодородная и обычно довольно богатая, была сильно опустошена. Война повсюду оставила свои зловещие следы» (Василевский 2004: 26–27).

Таким образом, мы видим, что, сталкиваясь с русинским населением Галичины и Буковины, большинство авторов воспоминаний подчеркивали его лояльность и доброжелательное отношение к русской армии и администрации, видели в нем таких же, как и они,

представителей русского народа, схожих по обычаям и языку с российскими малороссами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ruthenen* - официальное название русинов в Австро-Венгрии. Язык назывался *Ruthenisch* (рутенский, русинский). В августе 1917 г. император Карл официально изменил названия *рутены*, *рутенский язык* на *украинцы* и *украинский язык* (*Ukrainer, Ukrainisch*) (Попик 1999: 124).

2. Русины Австро-Венгрии по вероисповеданию были греко-католиками и православными.

3. Тяжелые условия жизни привели к массовой эмиграции русинов в США и Канаду. К примеру, в Восточной Галиции 40 % земли было в руках польских крупных землевладельцев. В 1890–1913 гг. Австро-Венгрию покинуло до 800 тыс. русинов. Причем в США уехали 211 тыс. Только в 1912–1913 гг. эмигрировали в эту страну 28,5 тыс. чел., что привело к снижению численности русинов в Австро-Венгрии (*Vocelka*). Были распространены сезонные миграции. Часто трудовые мигранты, отправлявшиеся на заработки в Россию, там же и оставались, в том числе и в Бессарабской губернии (Суляк 2015а: 105–106).

4. Русофилами и москвофилами в Галиции, Буковине и Угорской Руси австрийская, польская, украинская историография называет русинов, которые, в отличие от украинофилов (мазепенцев), стояли на позиции единства русского народа. На наш взгляд, так называть русинов, считавших себя русскими, подвергшихся за это репрессиям со стороны австро-венгерских властей, не совсем этично, равно как и использовать по отношению к ним термин *украинцы*. Правильнее использовать следующую терминологию: *русские*, *русские галичане*, *русские буковинцы*, *русское движение* и т. д. Ее вновь ввела в научный оборот Н.М. Пашаева (Пашаева 2007: 8–9).

5. Евгений Владиславович Тумилович родился в бедной крестьянской семье. В 1915 г., будучи 18-летним юношей, он отправился добровольцем на фронт и оказался в составе 326-го пехотного Белгорайского полка.

Вместе с полком принял участие в Брусиловском прорыве, а также в тяжелых боях в Лесистых Карпатах. За подвиги дважды был награжден Георгиевским крестом. В мемуарах описывает кровопролитные бои в Карпатах во время Брусиловского прорыва (Тумилович 2014: 31).

6. Александр Рудольфович Трушнович (1893–1954). Родился в Постойне, в 40 км от Триеста (бывшая Австро-Венгрия, ныне Словения), в словенской семье железнодорожного служащего. Окончил немецкую гимназию в Горице, учился в Инсбруке и Вене на медицинском факультете, во Флоренции – на литературном. В 1914 г. был призван в австро-венгерскую армию,

воевал в Карпатах, где, как и многие военнoслужаше-славяне, перешел к русским. С этого и начинаются его воспоминания. Книга охватывает три ключевых периода истории, свидетелем которых был автор: Первую мировую войну, в которой он стал офицером Сербской добровольческой дивизии, гражданскую войну, в которой он сражался против большевиков в Корниловском полку, и ранние годы советской власти, вплоть до коллективизации и голода 1933 г. Участник Белого движения, он подлежал расстрелу, но был спасен сербами, служившими на стороне красных. С 1922 г. до выезда из СССР в 1934 г. жил под фамилией матери – Гостиша.

В феврале 1934 г. Трушнович с женой Зинаидой Никаноровной и сыном Ярославом оказался в Югославии. Там Трушнович стал членом НТС. В том же году он принял православие под именем Александр (в католичестве его имя было Рудольф).

В сентябре 1944 г. при подходе советских и титовских войск к Белграду семья Трушновичей переехала в Германию. Трушнович – капитан, затем майор Русской освободительной армии (РОА), заместитель начальника санитарного отдела штаба Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР).

После войны с семьей переехал в созданный НТС лагерь беженцев Менхегоф под Касселем. Трушнович добился разрешения городского управления Бад-Хомбурга на постройку жилых бараков. Так на окраине Бад Гомбурга возник поселок Солидарск.

С 1950 г. возглавлял в Западном Берлине Комитет помощи русским беженцам. 13 апреля 1954 г. был похищен советской агентурой и при попытке вывоза в Восточный Берлин погиб (Трушнович 2004).

ЛИТЕРАТУРА

Бахтурина 2000 - *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М.: АИРО-XX, 2000. 264 с.

Брусилов 1983 - *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1983. 256 с.

Ваврик 2001 - *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. М.: Издательский дом «Софт Издат», 2001.

Василевский 2004 - *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: Вече, 2014. 608 с., ил.

Веверн 1938 - *Веверн Б.В.* 6-я батарея. 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине / Пред. проф. ген. Н.Н. Головина. В 2 т. Париж, 1938. Т. 1. 172 с.

Гардый 2005 - *Гардый П.С.* От издателя // Талергофский альманах // Русская Галиция и «мазепинство» / Сост. серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция,

2005. С. 209-511.

Деникин 2002 - *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т.1. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). Минск: Харвест, 2002. 464 с.

Дневники 1991 - Дневники императора Николая II. 1968–1918 / Общ. ред. и пред. К.Ф. Шаццлло. М.: Орбита, 1991. 736 с.

Кабузан 2006 - *Кабузан В.М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. Формирование этнических и политических границ украинского этноса. М.: Наука, 2006. 658 с.

Кравков 2014 - *Кравков В.П.* Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 416 с., ил.

Керсновский 1994 - *Керсновский А.А.* История русской армии. В 4 т. Т. 4: 1915–1917 гг. М.: Голос, 1994. 368 с., ил.

Кублицкий-Пиоттух 1916 - *Кублицкий-Пиоттух В.Л.* Зверства противника в очерках и фотографических документах. Пг.: Скобелевский комитет о раненых, 1916. 98 с., 6 л. ил.

Михутина 2003 - *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: Ловатера, 2003. 289 с.

Оськин 2014 - *Оськин М.В.* История Первой мировой войны. М.: Вече, 2014. 496 с., 32 с. ил.

Пашаева 2007 - *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд., испр. и доп. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.

Попик 1999 - *Попик С.* Українці в Австрії 1914–1918. Австрійська політика в українському питанні періоду Великої війни. Київ; Чернівці: Золоті литаври, 1999. 236 с.

Соколов - *Соколов Л.* Львов под русской властью (1914–1915). Продолжение. [Электронный ресурс]. URL: <http://russslvov.org.ua/2011-05-04-12-20-29/38-2011-05-03-12-28-19/340--16> (дата обращения: 2.05.2016).

Спиридович 1960 - *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. В 3 кн. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1960. Кн. 1. 302 с.

Стахів 1959 - *Стахів М.* Західня Україна: нарис державного будівництва та збройної і дипломатичної оборони в 1918–1923 рр. Скрентон: Український Робітничий Союз, 1959. Т. 3. 200 с.

Суляк 2015a - *Суляк С.Г.* Русины Бессарабии в XIX – начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № 1. С. 95–115. DOI 10.17223/18572685/39/7

Суляк 2015b - *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) // Русин. 2015. № 4. С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9

Трушнович 2004 - *Трушнович А.Р.* Воспоминания корниловца (1914–1934). Москва; Франкфурт: Посев, 2004. 336 с. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/trushnovich_ar/index.html (дата обращения: 15.04.2016).

Тумилович 2014 - «Смелым Бог владеет»: наступление Юго-Западного фронта 1916 г. глазами нижнего чина Е.В. Тумиловича // Первая мировая: взгляд из окопа / Предисл., сост. и ком. К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 29–136.

Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. Т. 1. 414 с. [Электронный ресурс]. [URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/index.html (дата обращения: 15.04.2016)].

Die Ergebnisse - Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in den im Reichsrat vertretenen Königreichen und Ländern. 1 Heft. Die summarischen Ergebnisse der Volkszählung. Mit 6 Kartogrammen. Wien: Gerold in Komm., 1912. 219 s.

Nationalismus - Nationalismus im österreichischen Berufs-Offizierkorps in der Zeit von 1848/49 bis 1914. [Online]. URL: <http://www.kuk-wehrmacht.de/national.htm> (дата обращения: 2.05.2016).

Peter 2004 - *Peter G.J. Pulzer*: Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867 bis 1914. Verlag Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen 2004, ISBN 3-525-36954-9. 384 Seiten mit 10 Abb. und 16 Tabellen, gebunden.

Vocelka - *Vocelka K.* Demographische und soziale Entwicklung in Österreich bzw. der Habsburgermonarchie vom Mittelalter bis in die Gegenwart. 9. Vorlesung 10.Juni 2002. NATIONALE GRUPPEN UND DEREN ZAHLENMÄSSIGE ERFASSUNG. [Online]. URL: http://www.univie.ac.at/igl.geschichte/vocelka/SS2002/vo_ss2002_1006.htm (дата обращения: 2.05.2016).

REFERENCES

Bakhturina, A.Yu. (2000) *Politika Rossiyskoy imperii v vostochnoy Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny* [The Policy of the Russian Empire in Eastern Galicia in the First World War]. Moscow: AIRO-XX.

Brusilov, A.A. (1983) *Moi vospominaniya* [My memories]. Moscow: Voenizdat.

Vavrik, V.R. (2001) *Terezin i Talerhof. K 50-letney godovshchine tragedii galitsko-russkogo naroda* [Terezin and Talerhof. On the 50th anniversary of the tragedy of Galician and Russian people]. Moscow: Soft Izdat.

Vasilevskiy, A.M. (2014) *Delo vsey zhizni* [The point of all life]. Moscow: Veche.

Vebern, B.V. (1938) *6-ya batareya. 1914–1917 gg. Povest' o vremeni velikogo sluzheniya Rodine*

[The 6th battery. 1914–1917. The story about the time of the great service to the Motherland]. Vol. 1. Paris: Nikishin.

Gardyy, P.S. (2005) *Ot izdatelya* [From the publisher]. In: Smolin, M.B. (ed.) *Talergofskiy al'manakh. Russkaya Galitsiya i "mazepinstvo"* [Talerhof Almanac.

Russian Galicia and Mazepists]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 209-511.

Denikin, A.I. (2002) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on Russian turmoil]. Vol. 1. Minsk: Kharvest.

Shatsillo, K.F. (ed.) (1991) *Dnevniky imperatora Nikolaya II. 1868–1918* [Diaries of Emperor Nicholas II. 1868–1918]. Moscow: Orbita.

Kabuzan, V.M. (2006) *Ukraintsy v mire: dinamika chislennosti i rasseleniya. 20-e gody XVIII veka – 1989 god. Formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits ukrainskogo etnosa* [The Ukrainians in the World: Dynamics of population and migration. The twentieth of the 18th century – 1989. Formation of Ethnic and Political Boundaries of the Ukrainian Ethnos]. Moscow: Nauka.

Kravkov, V.P. (2014) *Velikaya voyna bez retushi. Zapiski korpusnogo vracha* [The Great War without Retouching. Notes of a Corps Doctor]. Moscow: Veche.

Kersnovskiy, A.A. (1994) *Istoriya russkoy armii. V 4 t.* [The History of the Russian Army. In 4 vols.]. Vol. 4. Moscow: Golos.

Kublitskiy-Piottukh, V.L. (1916) *Zverstva protivnika v ocherkakh i fotograficheskikh dokumentakh* [The atrocities of the enemy in the essays and photographic documents]. Petrograd: The Skobelev Committee for the Wounded.

Mikhutina, I.V. (2003) *Ukrainskiy vopros v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka)* [The Ukrainian problem in Russia (the late 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Lovatera.

Oskin, M.V. (2014) *Istoriya Pervoy mirovoy voyny* [The History of WWI]. Moscow: Veche.

Pashaeva, N.M. (2007) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the History of the Russian movement in Galicia in the 19th – 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Imperskaya traditsiya.

Popik, S. (1999) *Ukraintsy v Avstrii 1914–1918. Avstriys'ka politika v ukrains'komu pitanni periodu Velikoi viyni* [The Ukrainians in Austria in 1914–1918. Austrian policy in the Ukrainian problem during the Great War]. Kiiv; Chernivtsi: Zoloti litavri.

Sokolov, L. (n.d.) *L'vov pod russkoy vlast'yu (1914–1915)* [Lvov under Russian rule (1914–1915)]. [Online]. Available from: <http://russlvov.org.ua/2011-05-04-12-20-29/38-2011-05-03-12-28-19/340--16> (Accessed: 2nd May 2016).

Spiridovich, A.I. (1960) *Velikaya voyna i Fevral'skaya revolyutsiya 1914–1917 gg. V 3 kn.* [The Great War and the February Revolution of 1914–1917. In 3 vols.]. Vol. 1. New York: Vseslavyanskoe izdatel'stvo.

Stakhiv, M. (1959) *Zakhidnya Ukraïna: naris derzhavnogo budivnitstva ta zbroynoi i diplomatichnoi oboroni v 1918–1923 rr.* [Western Ukraine: An Essay of State Building and Armed Diplomatic defense in 1918–1923]. Vol. 3. Skrenton: Ukraïns'kiy Robitnichiy Soyuz.

Sulyak, S.G. (2015a) The Rusins of Bessarabia in the 19th-beginning of the 20th Centuries: the Question of Numbers. *Rusin*. 1. pp. 95-115 (In Russian). DOI 10.17223/18572685/39/7

Sulyak, S.G. (2015b) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War). *Rusin*. 4. pp. 107-125 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9

Trushnovich, A.R. (2004) *Vospominaniya kornilovtza (1914–1934)* [Memories of a Kornilovets (1914–1934)]. Moscow; Frankfurt: Posev. [Online]. Available from: http://militera.lib.ru/memo/russian/trushnovich_ar/index.html (Accessed: 15th April 2016).

Tumilovich, E.V. (2014) “Smelym Bog vladeet”: nastuplenie Yugo-Zapadnogo fronta 1916 g. glazami nizhnego china E.V. Tumilovicha [“God owns the Bold”: The offensive of the Southwestern front in 1916 as seen by the lower rank E.V. Tumilovich]. In: Pakhalyuk, K.A. (ed.) *Pervaya mirovaya: vzglyad iz okopa* [WWI: A View from the Trench]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 29-136.

Shavel'skiy, G.I. (1954) *Vospominaniya poslednego protopresvitera Russkoy armii i flota* [Memories of the last Protopresbyter of the Russian army and navy]. Vol. 1. New York: Publ. named after Chekhov. [Online]. Available from: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavel'skiy_gi/index.html (Accessed: 15th April 2016).

Austria. (1912) *Die Ergebnisse der Volkszählung vom 31. Dezember 1910 in den im Reichsrat vertretenen Königreichen und Ländern* [The results of the census of December 31, 1910, in the Kingdoms and Countries represented in the Reichsrat]. Vienna: Gerold in Komm..

Kuk-wehrmacht.de. (n.d.) *Nationalismus im österreichischen Berufs-Offizierkorps in der Zeit von 1848/49 bis 1914* [Nationalism in the Austrian professional officer corps from 1848/49 to 1914]. [Online]. Available from: <http://www.kuk-wehrmacht.de/national.htm> (Accessed: 2nd May 2016).

Pulzer, P.G.J. (2004) *Die Entstehung des politischen Antisemitismus in Deutschland und Österreich 1867 bis 1914* [The Rise of Political Antisemitism in Germany and Austria from 1867 to 1914]. Göttingen: Verlag Vandenhoeck & Ruprecht.

Vocelka, K. (2002) *Demographische und soziale Entwicklung in Österreich bzw. der Habsbur-germonarchie vom Mittelalter bis in die Gegenwart* [Demographic and social development in Austria or Habsbur-germonarchie from the Middle Ages to the present day]. Lecture 9, 10th June 2002. [Online]. Available from: http://www.univie.ac.at/igl.geschichte/vocelka/SS2002/vo_ss2002_1006.htm (Accessed: 2nd May 2016).

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета (Россия), президент Общественной ассоциации «Русь» (Кишинев, Молдавия).

Sulyak Sergey – Tomsk State University (Russia), Association «Rus'» (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru